

Идейное наследие Михаила Сперанского и проблемы морского законодательства

К. В. Доник

Для цитирования: Доник К. В. Идейное наследие Михаила Сперанского и проблемы морского законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 1. С. 79–95. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.105>

Статья посвящена проекту создания Свода морских постановлений и влиянию опыта деятельности М. М. Сперанского на его ключевые характеристики. На основе ранее не вводившихся в научный оборот архивных материалов из состава Российского государственного архива Военно-морского флота и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки исследованы попытки упорядочить разрозненные морские законы и создать корпус постановлений, аналогичный тому, который разрабатывался с середины 1820-х гг. в Военном министерстве. Исходя из анализа ключевых документов проекта Морского свода 1833 г., показано, каким образом концепция систематизации законов, предложенная М. М. Сперанским, адаптировалась для реалий сначала армии, а впоследствии и флота. Проект создания Свода морских постановлений рассматривается в контексте реформ морского управления, инициированных самим Николаем I и осуществленных под руководством генерал-адъютанта, князя А. С. Меншикова. Они были направлены на преодоление управленческого кризиса во флоте, многочисленных конфликтов и злоупотреблений. В связи с этим попытка упорядочить законы при доминировавшем административном отношении к законодательству может интерпретироваться как составная часть этих преобразований, в целом направленных на укрепление присутствия верховной власти во флоте. Архивная работа над данной темой позволила выявить ранее не известные исследователям автографы М. М. Сперанского, которые показывают, что проект Морского свода получал поддержку властей. Однако в отличие от Военного свода по разным причинам, также имевшим общий и внутриведомственный характер, проект Свода морских постановлений 1833 г. остался нереализованным. В статье описаны причины неудачи первой реальной попытки систематизации морских законов и ее место в истории морской кодификации в XIX в.

Ключевые слова: Николай I, М. М. Сперанский, А. С. Меншиков, флот, реформы, систематизация.

Ксения Владимировна Доник — канд. ист. наук, Российская национальная библиотека, Российская Федерация, 191069, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18; науч. сотр., Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15; <https://orcid.org/0000-0002-7179-5897>, ksenia.donik@mail.ru

Ksenia V. Donik — PhD (History), National Library of Russia, 18, ul. Sadovaya, St. Petersburg, 191069, Russian Federation; Researcher, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, nab. r. Fontanki, St. Petersburg, 191023, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-7179-5897>, ksenia.donik@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01074 «Образ Михаила Сперанского и его идейное наследие в культурной памяти России».

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 24-28-01074 “The image of Mikhail Speransky and his ideological legacy in the cultural memory of Russia”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

The Ideological Legacy of Michael Speransky and the Problems of Maritime Legislation

K. V. Donik

For citation: Donik K. V. The Ideological Legacy of Michael Speransky and the Problems of Maritime Legislation. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2025, vol. 70, issue 1, pp. 79–95. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.105> (In Russian)

The article is devoted to the project of creating a Digest of Maritime Laws, developed in 1833 in the maritime department and the influence of the experience of Michael Speransky on its key characteristics. Based on archival materials from the Russian State Archive of the Navy and the Manuscripts Department of the Russian National Library, a project for systematization of maritime legislation was investigated, which appeared as an attempt to streamline disparate maritime laws and create a Digest of laws similar to that developed with mid-1820s at the War Ministry. Based on the analysis of the documents of the plan of naval code of 1833, it is shown how the concept of systematization of laws proposed by Michael Speransky was adapted to the realities and characteristics of the navy. In the article the project to create a Digest of Maritime Laws is considered in the context of maritime management reforms initiated by Nicholas I himself and carried out under the leadership of Prince Alexandre Menshikov. These reforms were aimed at overcoming the management crisis in the fleet and corruption. From this point of view, the attempt to streamline laws can be interpreted as an integral part of these transformations, generally aimed at strengthening the presence of supreme power in the fleet. However, unlike the military code, the draft Digest of Maritime Laws of 1833 remained unrealized. The article describes the reasons for the failure of the first real attempt to systematize maritime laws and its place in the history of maritime codification in the 19th century.

Keywords: Nicholas I, M. M. Speransky, A. S. Menshikov, fleet, reforms, systematization.

Политический кризис, случившийся в период междоусобицы в 1825 г. и проявившийся в недоброжелательности военной и морской элит, поставил перед Николаем I непростую задачу. Необходимо было преодолеть его, доказав, что благоденствие общества («общее благо»), по крайней мере самой просвещенной его части — дворянства, может быть достигнуто в союзе с самодержавной властью. По выражению Р. Уортмана, «Николай был исполнен решимости заставить государство работать, усиливая власть, надзор и уважение к закону»¹.

Важнейшим практическим воплощением этой цели стала систематизация законов Российской империи, осуществленная под непосредственным началом М. М. Сперанского в 1826–1832 гг. Главной идеей работы по упорядочиванию законов стало получение «срочной поддержки ослабленного трона путем восстановления своей легитимности в глазах просвещенной элиты»². Николай I придавал систематизации законов исключительное значение, понимая под ней одну из реформ, направленных на усиление самодержавия, «которое рассматривалось императором как гарантия стабильности государственного строя и общественной жизни»³. Он рассчитывал при этом на своего рода оздоровление многих не только политических, но и практических аспектов реализации самодержавной власти, и в первую

¹ Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 105.

² Borisova T. Y. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality // Law and History Review. 2012. Vol. 30, no. 3. P. 907.

³ Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 7.

очередь в управлении. В современной историографии систематизация законов рассматривается в связи с теми попытками «укрепления административной системы абсолютизма»⁴ и «утверждения правовой основы в административно-управленческой сфере»⁵, которые предпринимались в первое десятилетие царствования Николая I (1826–1836 гг.) во многих областях государственного управления. С аналогичными целями были проведены реформы, направленные на укрепление аппаратов управления армией и флотом, полностью укладывающиеся в обозначенные хронологические границы.

Поощрение со стороны самодержца работы в военном и морском ведомствах по созданию отраслевых сводов права необходимо рассматривать как явления, взаимосвязанные с общим курсом Николая I на преодоление политических проблем самодержавной власти в целом и на повышение качества управления, борьбу с коррупцией — в частности. Для армии и флота две последние цели являлись наиболее важными. И если ход систематизации законов для армии был описан в историографии, то попытки привести в систему морское законодательство при Николае I не изучались никогда⁶. Эти попытки были не столь успешны, но также являлись неотъемлемой частью внутриполитического контекста первых десяти лет правления Николая I и идейного наследия М. М. Сперанского.

Составление Свода военных постановлений началось в 1826 г. по инициативе отставного генерал-майора *Дмитрия Игоревича Ахшарумова* — автора «Истории Отечественной войны 1812 г.», который, удалясь от дел службы, представил начальнику Главного штаба Его Императорского Величества (далее — ЕИВ) барону И. И. Дибичу проект будущего Свода. В вышедшем к столетию Военного министерства Российской империи многотомном издании истории ведомства эта инициатива трактовалась исключительно как «частный почин лица, даже не имевшего по своему служебному положению никакого отношения к вопросам военного законодательства»⁷. Однако если такой масштабный и требующий начальственной поддержки проект и мог считаться «частным почином», то все же был глубоко подготовлен и задан контекстом. С одной стороны, это было осознание ведомством потребности в систематизированных военных законах, с другой — началом работы М. М. Сперанского над задачей общей систематизации государственных зако-

⁴ Андреева Т. В. Государственное управление России в начале царствования Николая I: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). С. 31.

⁵ Андреева Т. В. Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии: технология законодательства. 1826–1832 гг. Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 50.

⁶ Единственное краткое упоминание о проекте систематизации морских законов 1833 г. в контексте деятельности II отделения Собственной ЕИВ Канцелярии было сделано П. М. Майковым. В архиве историк обнаружил только одно обращение генерал-адъютанта начальника Главного морского штаба вице-адмирала князя А. С. Меншикова к Сперанскому с просьбой о присылке сведений по составлению Свода военных постановлений. Майков сделал вывод, что тем «и ограничилось все участие II отделения в работах по составлению Свода морских постановлений» (*Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826–1882. СПб., 1906. С. 220–221). Такое заключение могло быть основано на формальном неучастии учреждения в составлении морского свода, а также на отсутствии материалов архива Комитета образования флота и документов тех чиновников, которые непосредственно занимались работой над морским законодательством.

⁷ Столетие Военного министерства, 1802–1902: в 13 т. [Т. 3, ч. 1, отд. 1]: Кодификационный отдел: исторический очерк / сост. Э. М. Лисенко; гл. ред. Д. А. Скалон. 1902. С. 16.

нов. Поддержка Сперанского последовала быстро: он принял на себя руководство по составлению Свода военных постановлений, организовав работу Ахшарумова и его чиновников под началом II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее — СЕИВК), а в дальнейшем стал и редактором текста Свода.

Убежденность Ахшарумова, что свод военных постановлений необходим, основывалась на его опыте службы в должности директора Комиссариатского департамента Военного министерства. Зная все проблемы работы одного из подразделений по снабжению армии, он усматривал причины коррупции и неэффективности военной администрации в недостатках законодательства, а административную реформу в армии считал невозможной без упорядочивания законодательства⁸. Незнание чиновниками в полной мере законов и правил бесконечно усложняло работу сложного аппарата управления армией, умножая бумаги, незавершенные дела и ошибки⁹.

Работа над военным Сводом проводилась в два этапа. В ходе первого (с марта 1828 по 1832 г.) составлялся собственно корпус статей, приводившихся в систему. На втором этапе (1832–1838 гг.) осуществлялась ревизия и обработка составленных книг Свода. Процесс систематизации законов в Военном министерстве усложнялся проведением административных реформ и некоторой изолированностью Ахшарумова от меняющихся в соответствии с вызовами времени запросов военной администрации. Это стало причиной переработки того объема материалов, который был выполнен Ахшарумовым в 1833 г. Однако несмотря на все обстоятельства, в том числе на смену глав ведомства (работа началась при начальнике Главного штаба ЕИВ бароне И. И. Дибиче и военном министре А. И. Татищеве, в 1832 г. военным министром стал князь А. И. Чернышев), проект всегда ими поддерживался, а Николай I поощрял все усилия чиновников¹⁰. В 1839 г. о выходе из публикации Свода военных постановлений 1838 г. известил специальный манифест¹¹. Успех этого проекта, который длился чуть более десяти лет, был обусловлен последовательностью инициатора Д. И. Ахшарумова и участием М. М. Сперанского, являвшегося «прочной гарантией» его успешного завершения¹².

Одновременно с составлением Свода военных постановлений предпринимались попытки еще одной систематизации — морского законодательства. На работу по этому направлению в большей степени, чем в первом случае, оказали влияние внутриведомственные факторы и общие проблемы, с которыми сталкивались составители общих сводов в 1820-х гг.

К рубежу 1820 и 1830-х гг. морское ведомство претерпело сложные реформы в центральной администрации. Они навсегда изменили облик аппарата управ-

⁸ Kagan F. Military reforms under Nicholas I. The origin of modern Russian army. New York, 1999. P. 51. — О проведенных в первые годы правления Николая I реформах в армии также см.: Кухарук А. В. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е гг. // Русский сборник: Исследования по российской истории. Т. VII. М., 2009. С. 191–205.

⁹ Kagan F. Military reforms under Nicholas I. P. 52.

¹⁰ Ibid. P. 57.

¹¹ Столетие Военного министерства, 1802–1902. С. 78–79.

¹² Там же. С. 19. — О составлении Свода военных постановлений на общем фоне деятельности II отделения СЕИВК см.: Майков П. М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С. 217–220.

ления, закрепив министерскую систему, умножив число контрольных операций, практически полностью изменив состав высшей администрации. Реформы, которые представляли собой структурную перестройку и изменение инструкций по делопроизводству, на самом деле оказались весьма болезненными. Их начало совпало со следствием над декабристами, а ход осложнился многочисленными внутриведомственными конфликтами, которые сделали позиции многих членов морского генералитета уязвимыми. В центральной и портовых администрациях были обнаружены финансовые злоупотребления. Лейтмотивом всех преобразований во флоте являлась ориентация на военное ведомство — он звучал в указах и резолюциях Николая I. Два огромных потребителя финансов и людских ресурсов должны были сближаться в принципах распоряжения ими, повысить прозрачность административных механизмов. Главный штаб ЕИВ и Военное министерство вследствие реформ середины 1810-х гг. продвинулись в плане совершенствования форм управления. Многие сферы администрирования (например, строительные подразделения и т. п.) у обоих ведомств были схожи, поэтому даже на время проведения преобразований отдельные части флота поручались чинам из Главного штаба ЕИВ. Эти меры приносили свои результаты — реформы проводились быстро. И все же на многих этапах работы военачальники и флотоводцы получали пространные объяснительные записки своих канцелярских чиновников о том, почему ту или иную часть во флоте нельзя полностью переложить на военное законодательство. Тем не менее взгляд на флот как на вспомогательный или даже второстепенный (исходя из соображений стратегии) по отношению к армии военный институт, стремление поставить его обособленную управленческую элиту и спаянный с нею аппарат управления под контроль верховной власти привели к доминированию именно такого взгляда. Своего рода апофеозом подобной политики Николая I по отношению к флоту стало назначение генерал-адъютанта свиты, служившего по Главному штабу ЕИВ, князя *Александра Сергеевича Меншикова* (1787–1869) начальником ново-созданного Главного морского штаба ЕИВ в 1828 г. Те же тенденции — с одной стороны, признание за образец армии, с другой — подразумеваемая второстепенность флота — закономерно проявились и в процессе того, что называлось чиновниками «кодификацией» морского законодательства.

Неизвестно, от кого именно исходила инициатива проекта систематизации морских законов: возможно, она принадлежала самому Николаю I, а возможно, также являлась «частным почином» кого-либо из близкого окружения А. С. Меншикова. Основным исполнителем проекта по систематизации морских законов являлся *Николай Иванович Бахтин* (1796–1869) — ключевой гражданский чиновник ранней меншиковской администрации во флоте. После формального перевода во флот А. С. Меншиков опирался на ряд отобранных им лично чиновников, служивших, по официальной формулировке, при князе. Среди них выделялась фигура Н. И. Бахтина. Он перешел на службу из Провиантского департамента Военного министерства по рекомендации бывшего начальника, имея небольшой опыт проведения ревизий (что было важно для флота того времени) и весьма положительные заключения шефа жандармов, главного начальника III отделения СЕИВК А. Х. Бенкендорфа и управляющего III отделением М. Я. фон Фока (Меншиков основательно собирал сведения не только о способностях будущих подчиненных, но и об их благонадежности). К началу работ по систематизации морских законов Бахтин имел

значительный опыт в морской администрации: черновики бумаг Меншикова позволяют судить о том, что он активно участвовал в составлении «Временного образования Морского министерства» 1827 г.¹³

История первой попытки составления единого свода законов для флота началась 9 мая 1833 г., когда А. С. Меншиков представил императору докладную записку, обосновывающую необходимость составления *Свода морских постановлений*. Автором ее текста, вероятно, являлся сам Н. И. Бахтин. В тексте записки потребность в систематизированном законодательстве аргументировалась неполнотой общего Свода законов и ведомственными нуждами: «При издании Свода законов Российской империи постановления по морской части не вошли в состав оного. Польза подобного свода для морского управления несомненна, но затруднения, которые в деле сем подлежат преодолеть, превышают даже те, кои представлялись в сем случае по другим частям государственного управления»¹⁴. Первая категория трудностей, о которых говорил автор, происходила из специфики морского законодательства: чтобы привести его в систему, необходимо было привлечь «мореплавателей и людей, знающих морские науки»¹⁵. Другая — из соответствия отрасли права, которой являлось морское законодательство, действующим законодательным нормам. Доклад Меншикова об этом говорил так: «...отношение морского управления к прочим государственным учреждениям требуют внимательного рассмотрения, какие из постановлений, изданных не собственно по морскому управлению, должны служить оному руководством»¹⁶. Из этого следует, что в докладе речь шла о концепции и форме систематизации постановлений, ориентированных в своей основе на работу М. М. Сперанского по составлению общих сводов.

Согласно тексту всеподданнейшей записки, работа над составлением Свода морских постановлений должна была проводиться в Комитете образования флота (далее — КОФ) под непосредственным началом правителя дел комитета — Н. И. Бахтина¹⁷. Комитет образования флота был открыт указом 31 декабря 1825 г. для разработки реформ флота и структуры морской администрации. Имея в своем составе представителей морского генералитета, он должен был стать высшим консультационным органом, в котором бы обсуждался и координировался ход работ. Их исполнение было поручено канцелярии Комитета во главе с Бахтиным.

В записке предусматривалось составление плана работ, интенсивное взаимодействие с Военным министерством «поелику некоторые части морского управления совершенно единообразны с частями военно-сухопутного ведомства»¹⁸. В специальный пункт выделялось решение обязать все учреждения Черноморского

¹³ Подробнее о Н. И. Бахтине в период его службы чиновником при князе А. С. Меншикове см.: Доник К. В. Н. И. Бахтин в Морском министерстве: к истории формирования чиновного окружения князя А. С. Меншикова во флоте в конце 1820-х — начале 1830-х гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 162–170. Биографические сведения и библиографию см.: Шилов Д. Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи, 1802–1917: биобиблиографический справочник: в 3 т.: Т. 1. СПб., 2024. С. 122–125.

¹⁴ О составлении Свода морских законов // Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ). Ф. 170. Оп. 1. Д. 1191. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

департамента по первому требованию канцелярии Комитета и правителя дел представлять все необходимые справки¹⁹; вероятно, нарочитость такой оговорки была связана с высокой степенью автономности черноморского управления, находившегося на пороге административной реформы и в лице вице-адмирала А. С. Грейга противостоявшего распоряжениям и предписаниям, приходившим из Петербурга от Меншикова. Записка получила положительную резолюцию Николая I, и чиновники под началом Бахтина поспешили приступить к делу. Однако, как и предвидел автор текста всеподданнейшей записки, столь же быстро на пути систематизаторов возник и ряд затруднений. Первое из них было связано с краеугольным камнем из начальной ориентации на военное ведомство.

Идея составления Свода морских постановлений предполагала первоочередное обращение к опыту Военного министерства. В отношении на имя военного министра генерала от кавалерии князя А. И. Чернышева Меншиков просил содействия в работе чиновников, занимавшихся в двух ведомствах работой по Сводам, а также предоставления проспекта «или подробного оглавления предполагаемого Свода военных постановлений, из коего бы видно было разделение и расположение частей оного»²⁰. Ожидание ответа вызвало первую многомесячную задержку по заявленной в записке разработке плана свода. В отсутствие А. И. Чернышева замещавший его генерал-майор В. Ф. Адлерберг отвечал, что все книги Свода военных постановлений переданы М. М. Сперанскому, «под руководством коего производится самая редакция свода и ныне должно быть произведено исправление и дополнение оного»²¹. Поскольку сам Сперанский также находился в отъезде, дело было отложено до осени 1833 г. Обращение уже на его имя повторилось 3 октября 1833 г. с той же просьбой оказать содействие и прислать оглавление Свода военных постановлений. В ранее не вводившемся в научный оборот отношении Сперанского к Меншикову²², хранящемся в фонде КОФ, им была изложена последовательность работ по составлению Свода. На основе данного документа можно судить о высокой степени включенности Сперанского в дело военной систематизации. Из него также следует, что в 1833 г. работы над Сводом находились только на стадии ревизии в редакции II отделения СЕИВК, которое было вынуждено взять ее под свой контроль. Это объясняется тем, что обращение для проверки Свода непосредственно в ведомственные учреждения (департаменты министерства) не принесли никакой пользы: за проверкой частей законодательства в разрозненном виде военные чины не видели общей картины. В то же время, поскольку работы над редактированием каждой части Свода еще не были завершены, окончательное его оглавление, по словам Сперанского, было отложено Ахшарумовым до тех пор, когда «можно будет установить каждый предмет на своем месте и определить также его пределы»²³.

Таким образом, из послания Сперанского можно заключить, что строгая систематика военного законодательства Ахшарумовым была перенесена на более

¹⁹ Там же. Л. 4 об.

²⁰ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи. Ч. I // РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 635. Л. 6 об.

²¹ Там же. Л. 10 об.

²² Текст написан Сперанским собственноручно.

²³ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи. Ч. I. Л. 95 об.

поздний этап работы. По всей видимости, первый этап ее заключался в «приведении в известность» вообще всех законов, что отличалось от опыта Морского министерства, в котором, желая использовать наработки военного ведомства, Бахтин сразу же перешел к составлению «проспекта» и тем самым поторопил Ахшарумова. Стремясь выполнить запрос Меншикова об оглавлении Свода, Сперанский распорядился составить его как можно скорее²⁴. К ноябрю 1833 г. оглавление было готово и Сперанский выслал его КОФ с собственным примечанием, что «расположение предметов в сем оглавлении означенное не есть окончательное, некоторые разделы, главы и отделения при пересмотре текста Свода могут быть в нем представлены и распределены удобнее, без существенного однако же в самых частях и книгах изложения»²⁵.

Оглавление, составленное Ахшарумовым, было полезным для морских чиновников — оно отражало базовые принципы классификации постановлений. Они были просты: военные законы предполагалось разделить на четыре области (книги), в каждую из которых входили законы об одной из сфер организации жизни армии. Первая книга посвящалась аппарату управления ведомством в целом, вторая — порядку военной службы и ее прохождению, третья — хозяйственному военному управлению, четвертая — военному суду²⁶. Каждая из книг распадалась на более мелкие деления по предметам. Например, предполагалось, что книга о военном хозяйственном управлении состояла бы из частей о заготовлении снабжения, приеме и хранении сумм и материалов до отпуски в армию, отдельно о самом процессе отпуски снабжения²⁷ и т. д. Это оглавление, сохранившееся среди бумаг Бахтина в писарской копии, действительно носило самый общий характер. Немного позднее в его распоряжении оказалось доработанное оглавление с заимствованной из Свода законов Российской империи многоуровневой градацией, которое являлось уже конкретным образцом, по которому можно было составить аналогичные многоуровневые градации в системе для флота²⁸. Именно оно стало основой для составления Бахтиным системы («проспекта») морского свода.

10 февраля 1834 г. Бахтин представил его князю Меншикову вместе с оглавлением Свода военных постановлений и запиской «О началах, на коих основано разделение предполагаемого Свода морских постановлений с сравнением оного с разделением принятых для Свода постановлений военно-сухопутных». Общие принципы разделения системы морского законодательства были полностью перенесены Бахтиным из опыта военного ведомства, однако это заимствование не было механическим, а сам проспект, составленный чиновником, отличался полнотой учета специфики флотских институтов и процессов, которые должен был регулировать Свод. В предполагаемом морском Своде законы, которые предстояло собрать, разделялись на пять частей: 1) образование разных частей морского ведом-

²⁴ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи. Ч. I. Л. 96.

²⁵ Там же. Л. 116 об.

²⁶ Разделение Свода военных постановлений генерал-майора Ахшарумова // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 682. Ед. хр. 740. Л. 1–2.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Оглавление Свода военных постановлений, составленного Комитетом при Военном министерстве учрежденном // Там же. Ед. хр. 639. Л. 1–16.

ства; 2) устав о служащих по морскому ведомству; 3) устав о службе по морскому ведомству; 4) устав хозяйственный морского ведомства; 5) устав военно-уголовный²⁹. Все части подразделялись на книги, те в свою очередь — на разделы, а разделы — на главы и отделы.

Отличиям, которые неизбежно присутствовали во флоте и которые должна была учесть составляемая структура систематизации (проспект), была посвящена уже упомянутая «Записка о началах...» Бахтина. При составлении проспекта он исходил из двух основных методических установок для системы и структуры морского свода: «1) систематическое расположение предметов так, чтобы каждый занимал то место, которое указывает ему отношение его к прочим, входящим в состав Свода, и чтобы самые пропуски неизбежные при сем первом обозрении круга действий морского управления могли впоследствии легко быть пополняемы; 2) удобство для практического употребления, состоящее преимущественно в том, чтобы разные места и лица, принадлежащие к управлению, находили в Своде, сколь возможно, в совокупности все, что к кругу действий каждого из них относиться может»³⁰. Критерий удобства в использовании обусловил улучшения в структуре Свода морских постановлений и отступлении от военного образца. Так, Бахтин отказался от деления Ахшарумова в области постановлений о службе. Вместо разделения постановлений о службе по нескольким частям, предпринятого в военном своде (Общий устав службы и Устав службы местной и походной), он вообще отделил службу от служащих. В результате в его проекте появилась часть о служащих по морскому ведомству (2-я) и о службе по морскому ведомству (3-я)³¹. По мнению Бахтина, это упрощение помогало избежать таких недостатков, когда «встречаются в одних и тех же разделах <...> разнородные предметы»³². Различия на более низких уровнях (книг) диктовала специфика, имевшая место во флоте. Так, в том же уставе о службе (часть 3-я) Бахтин ввел разделение военной и классной службы в силу особого положения во флоте классных чинов³³. Утилитарность принципов морской кодификации, изложенных в «Записке о началах...» Бахтиным, и стремление к простоте не стоит недооценивать. Во-первых, речь шла вообще о самой первой реальной попытке обобщить морское законодательство и придать ему сколь-нибудь взаимосвязанный вид. Во-вторых, декларируемая прагматичность, даже если бы она появилась как исключительно механическая компиляция всего действующего законодательства, принесла бы несомненную пользу и огромную помощь в работе флотских учреждений.

«Проспект» Свода морских постановлений был также отослан Сперанскому, который приказал Ахшарумову сравнить его с системой Свода военного. Ахшарумов нашел, что все различия закономерны и происходят из специфики службы в армии и флоте. Сперанский же, отправляя записку Меншикову, писал: «В том

²⁹ Проспект Свода морских постановлений // Там же. Ед. хр. 765. Л. 1–42.

³⁰ «О началах, на коих основано разделение предполагаемого Свода морских постановлений с сравнением оного с разделением, принятым для Свода постановлений военно-сухопутных». Записка // Там же. Ед. хр. 640. Л. 2–2 об.

³¹ Там же. Л. 4 об.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 9–9 об.

и другом расположении, там, где они различествуют, есть свои выгоды и свои неудобства. Совершенного сходства быть не может по разности предметов»³⁴.

После доклада Бахтина Меншикову «проспект» был направлен в типографию, напечатан и 3 марта 1834 г. разослан членам КОФ — адмиралу П. М. Рожнову, вице-адмиралу И. Ф. Крузенштерну, контр-адмиралу М. Н. Васильеву, контр-адмиралу В. И. Мелихову и вице-адмиралу Ф. Ф. Беллинсгаузену для ознакомления и замечаний³⁵. От всех флотоводцев проект получил полную поддержку. В виде письменного доклада сообщение о составлении «проспекта» Меншиковым было направлено царю, от которого вернулось с резолюцией: «Кажется мне, очень хорошо»³⁶. Собравшийся 21 марта 1834 г. КОФ полностью одобрил проспект, предложив составить подробный *план* работ по его реализации и также внести его на рассмотрение в КОФ³⁷. В журнале заседания комитета впервые проговаривалось одновременно и главное опасение в работе над Сводом, и главная трудность, которая во многом определила неудачу этой первой смелой попытки упорядочивания морских законов. Речь в данном случае шла о постановлениях и предписаниях начальства разного уровня, которые «хотя и не были объявлены во всеобщее известие, но принимаются постоянно в руководство и служат, так сказать, дополнением и пояснением узаконений»³⁸. Проблема, о которой говорил комитет, была сформулирована самим М. М. Сперанским, так как являлась общей для состояния российского законодательства, не исключая морское ведомство.

«Затруднения здесь были бесчисленны, — писал М. М. Сперанский в «Обозрении исторических сведений о своде законов» 1833 г., — сначала указов печатных не было, канцелярии были скудны и неисправны, архивы в беспорядке и небрежении. Указы посылались большей частью письменные и прямо в те приказы и коллегии, к коим принадлежало их исполнение. Общего хранилища законов долго не было»³⁹. Все это в полной мере относилось и ко флоту. Адмиралтейский архив, даже несмотря на большую работу, которая провела специальная комиссия по его упорядочиванию во второй половине 1820-х гг., все же не мог полностью удовлетворить потребности кодификации: одной из главных проблем являлось отсутствие справочных ключей к массивам делопроизводства — описей, алфавитов⁴⁰. Многочисленные постановления, которые в качестве дополнений вводились военной властью на портовом уровне, могли не всегда быть известны в Петербурге. Как представлялось Бахтину, единственным путем, по которому мог пойти процесс «извлечения» таких постановлений во флоте, прояснения их статуса и актуальности, являлся сбор сведений и копий постановлений с мест — изо всех без исключения учреждений, подчиненных ведомству. Это был путь колоссальной переписки и организации методики ее обработки. Учитывая инертность той аппаратной среды, которая во

³⁴ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи. Ч. II // РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 636. Л. 104–104 об.

³⁵ Там же. Л. 55–56.

³⁶ Там же. Л. 38.

³⁷ Там же. Л. 69.

³⁸ Там же.

³⁹ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С. 43.

⁴⁰ Доник К. В. Князь А. С. Меншиков и морское ведомство: реформы флотской администрации в начале царствования Николая I: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023. С. 332–359.

многим еще не была преодолена флотом в ходе административных реформ, эта переписка могла затягиваться на большие сроки, что и происходило позднее.

Однако на начальном этапе проекта Бахтин (а с ним и полагавшийся на него в этом вопросе Меншиков), как кажется, был полон решимости и энтузиазма. Когда КОФ предписал составление подробного плана, то немедленно приступили к его реализации. Как и «проспект», он появился быстро и отличался такой же четкостью, стройностью мысли и последовательностью: ведь за период от первого запроса во II отделение СЕИВК до ожидания присылки Ахшарумовым и Сперанским оглавления Свода военных постановлений канцелярия КОФ, состоявшая из нескольких писарей и Бахтина, уже проделала немалую работу по выявлению источников для морского свода. С первых дней после утверждения докладной записки Меншикова от 9 мая 1833 г. императором канцелярия КОФ от имени Главного морского штаба ЕИВ рассылала оповещения о начале работ по составлению Свода и первые требования присылать сведения о наличии постановлений, происходящих от местного начальства или даже от Высочайшего имени (кроме опубликованных), которые использовались в управлении.

В делопроизводстве канцелярии КОФ отложились длинные списки учреждений, начиная с центральных, подведомственных морскому министру и самому Меншикову, в которые рассылались подобного рода запросы с требованием копий. Одновременно Бахтин начал собирать прямые источники законов. Так, уже в июне 1833 г. в канцелярии Адмиралтейств-совета был направлен запрос на присылку реестра журналов заседаний с 1827 г.⁴¹ Инспекторский департамент был призван извлечь из подчиненного ему Адмиралтейского архива переплетенные книги высочайших указов по флоту со времен Петра I⁴². Также было решено перевести на службу в канцелярию КОФ нескольких писарей департамента и присылать Бахтину выпуски «Собрания законов и постановлений, до части морского управления относящихся». Это было периодическое издание департамента, выходившее после административных реформ, с текстами постановлений по всему флоту за каждый год, начиная со времени восшествия на престол Николая I⁴³.

В то же время в канцелярию постепенно начали поступать ответы учреждений, содержащие копии высочайше утвержденных докладных записок морского министра, утвержденные предложения Адмиралтейств-коллегии, приложения к законам, носившие местный характер, дополнения к инструкциям, флотским должностям и т. д. Особое внимание было уделено Черноморскому отделению, стоявшему на пороге сложной административной реформы и отличавшемуся частым игнорированием официальной переписки⁴⁴. Отдельной большой задачей являлся сбор сведений о штатах (штатных расписаниях) «и всех постановлениях, до этого относящихся»⁴⁵. Некоторые учреждения, особенно появившиеся недавно в ходе реформ, например Строительный департамент Главного морского штаба ЕИВ или Департамент корабельных лесов, подчиненный морскому министру, лаконично

⁴¹ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи. Ч. I. Л. 11 об.

⁴² Там же. Л. 15.

⁴³ Там же. Л. 28.

⁴⁴ Там же. Л. 58.

⁴⁵ Там же. Л. 39–40.

писали об отсутствии у них неизвестных им, «необъявленных во всеобщее известие постановлений и предписаний начальства». Впрочем, в дальнейшем они все равно оказывались участниками переписки по уточнению статуса актуальности обнаруженных уже канцелярией КОФ таких постановлений за прошлые годы. Некоторые портовые управления присылали копии каждый раз после обследований своих портовых канцелярий и архивов, некоторые отличались молчанием и получали запросы из КОФ неоднократно.

Как и любое предприятие в морском управлении 1820–1830-х гг., связанное с перепиской с удаленными, автономными и вяло реагирующими на очередной канцелярский запрос администрациями, исход даже промежуточных результатов, не говоря уже об успехе всего предприятия, которое возглавлял Бахтин, зависел от местных чиновников. Запросы из КОФ всегда влекли за собой поток рутинных справок, который на микроуровне не стоял среди приоритетных задач. Некоторые запросы, рассылавшиеся «волнами» в портовые конторы и десятки маленьких канцелярий, требовали ответ определенной формы и степени аналитики. Так, например, составляя текст очередного официального отношения о присылке в КОФ постановлений о флотских учреждениях, сделанных в разное время Адмиралтейств-советом, Бахтин просил копии и выписки у чиновников следующим образом: если постановление, которого нет ни в Полном собрании законов, ни в числе «Узаконений» (т. е. неопубликованное), содержит резолюцию императора, то копию нужно делать только с повеления царя, если Адмиралтейств-совет не запрашивал резолюции, то копия нужна только с его «журнала». «...когда заключение совета так изложено, что могло быть принято к исправлению без всяких соображений с представлениями, в таком случае достаточно иметь список только с журнала, если уже в заключении совета сделаны ссылки на представление [в Адмиралтейств-совет] и оно в журнале не прописано слово в слово, то необходимо иметь <...> список и с представления...»⁴⁶

В сохранившихся в РГА ВМФ (фонд КОФ) фрагментах делопроизводственного архива все подшивки документов с 1833 по 1841 г., когда Бахтин фактически отошел от дальнейшей работы над Сводом, представляют собой сотни листов переписки учреждений ведомства с канцелярией комитета⁴⁷. Поскольку большая часть архива по систематизации не сохранилась, именно они служат источником не только для восстановления фактической деятельности канцелярии по систематизации законов, но и для понимания того, насколько интенсивной была ее деятельность в этот период.

7 мая 1834 г. Бахтин представил князю Меншикову «*Подробный план работ для составления Свода морских постановлений*». Документ обобщал опыт деятельности Сперанского и Ахшарумова. Вместе с «проспектом» он является основным источником по истории проекта систематизации морского законодательства в 1833 г.

В «Подробном плане» Бахтиным впервые были сформулированы сущность и границы процесса составления Свода, описаны источники для морского Свода

⁴⁶ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи. Ч. V // РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 639. Л. 11 об. — 12.

⁴⁷ В РГА ВМФ переписка составляет несколько переплетов. См.: О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи Ч. I–V // Там же. Д. 635, 636, 637, 638, 639.

законов, последовательность их соединения в систему, изложенную в «проспекте», а также приведены принципы написания статей. Анализ текста «Подробного плана» показывает, что он являлся результатом адаптации методических наработок, примененных Сперанским для составления Свода законов Российской империи, к законодательным реалиям морского ведомства.

Общие принципы процесса составления свода для любой отрасли законодательства, по мнению Бахтина, заключались: 1) в собирании и расположении по хронологии узаконений, 2) распределении их по выработанной системе и 3) «сличении узаконений между собой, устранении тех из них, кои более не действуют, исправление и дополнением изменившихся последующими и изложении сущности оны в виде статей Свода»⁴⁸. Такое изложение концепции Свода указывает на единство с юридической деятельностью, которую к тому времени уже осуществило II отделение СЕИВК, а именно — с многоуровневой обработкой законодательства, его систематизацией по типу инкорпорации и консолидации правовых актов. Целью такого типа работ, по определению Сперанского, являлось «уложение сводное» — «Свод законов существующих, устроенный в виде уложения с исключением всего недействующего, но без всякого изменения в существе их»⁴⁹. Уложение сводное противостояло, согласно его идеям, *уложению исправленному* — Своду актуальных законов «с дополнением и исправлением»⁵⁰, которое могло бы приближаться к результату кодификации в общепринятом смысле этого понятия.

Основными источниками для Свода морских постановлений, согласно плану Бахтина, должны были являться: 1) общие источники — Полное собрание законов Российской империи «Собрание высочайших указов, рескриптов и повелений, хранящихся в Адмиралтейском архиве» и 2) источники ведомственных постановлений по флоту⁵¹. Последние включали в себя «Собрание постановлений, до части морского управления относящихся», издаваемое от Инспекторского департамента Главного морского штаба, журналы определений бывшей Адмиралтейств-коллегии начиная с 1719 г. по 1 января 1828 г. (до дня закрытия присутствия), подборки законодательных актов, хранившихся в Адмиралтейском архиве, архивное и текущее делопроизводство.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) при этом являлось отправной точкой для работы с другими источниками постановлений. Уже на этапе составления «Подробного плана», как следует из текста, Бахтиным и чиновниками канцелярии КОФ были предприняты важные первоначальные шаги: из ПСЗРИ были выбраны все постановления, относящиеся ко флоту со времени Петра I, составлен их хронологический реестр, а также проведена сверка с «Собранием высочайших указов, рескриптов и повелений»⁵². Последнее хранилось в Адмиралтейском архиве в количестве 128 переплетов подлинных и копийных документов. Этот шаг позволил обнаружить дополнительные постановления, которые касались флота, но не могли быть досконально выявлены при составлении ПСЗРИ. Из них были

⁴⁸ Подробный план работ по составлению Свода морских постановлений по проспекту оно-го, утвержденному Комитетом образования флота и одобренному его императорским величеством // ОР РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 636. Л. 1–1 об.

⁴⁹ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений. С. 69.

⁵⁰ Там же. С. 70.

⁵¹ Подробный план работ по составлению Свода морских постановлений... Л. 3–3 об.

⁵² Там же. Л. 4 об. — 5.

составлены два реестра — один для будущего Свода, второй — «исторический», носивший преимущественно справочный характер⁵³. Периодические выпуски «Собрания постановлений до части морского управления относящихся» могли послужить источником по периоду жизни ведомства после реформ 1827–1828 гг. Из этих выпусков также были составлены выписки. Журналы определений Адмиралтейств коллегии, которые хранились в архиве и насчитывали 1356 книг по несколько сотен листов без хронологических и предметных указателей, решено было оставить без систематического просмотра и обращаться к ним только в случае прояснения ссылок⁵⁴, как и делопроизводство из Адмиралтейского архива, находившееся в беспорядке. Текущее делопроизводство привлекалось с целью недопущения пропусков в составлении свода. Именно для этого формировались вышеупомянутые запросы в виде отношений в разные места центрального и местных управлений (на момент составления «Подробного плана» их уже накопилось значительное количество). Получаемые сведения решено было сверять с журналами Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейств-совета⁵⁵. Нижней хронологической границей отбора законодательства Бахтин предлагал считать 1720 г., когда был издан Морской устав Петра Великого.

Второй этап — распределения законодательных актов по разделам проспекта (собственно упорядочивание и систематизация) Бахтин предполагал делать по прямому предметному признаку, а для тех актов, которые, например, напрямую не относились к флоту, но содержали положения, затрагивающие ведомство, распределять, опираясь на алфавиты в ПСЗРИ. И поскольку работа с ПСЗРИ существенно облегчала задачи морских чиновников, Бахтин предлагал начать «наполнение» системы проспекта именно выписками из него. Более того, он писал, что «в канцелярии Комитета уже сделано значительное число выписок из означенного Свода законов, и работа сия почти совершенно кончена»⁵⁶. В «Подробном плане» была также прописана методика вычитки постановлений, входивших в состав ПСЗРИ.

Третий этап, заключавшийся собственно в создании статей Свода и предполагавший наличие кодификационной составляющей, требовал наибольшей методичности. В появлении на свет каждой статьи Бахтин видел несколько этапов. Первый состоял в подготовке материала: «1) устранении всех таких узаконений, которые отменены последующими; 2) в присоединении к ним тех, кои оными изменяются отчасти, или поясняются и дополняются; и наконец 3) в изложении сущности оных в виде статей»⁵⁷. На третьем этапе — при написании текста статей — Бахтин предлагал основываться на тех правилах, которые были приняты Сперанским для составления статей СЗРИ⁵⁸.

Сочиняя текст «Подробного плана», Бахтин сохранял оптимистичный настрой относительно не только успеха всего начинания, но и его скорой его реализации. В этом убеждении он опирался на уже проделанную работу канцелярии. И даже в том случае, когда некоторые части Свода в целях единообразия с военными за-

⁵³ Подробный план работ по составлению Свода морских постановлений...

⁵⁴ Там же. Л. 7.

⁵⁵ Там же. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Л. 16.

⁵⁷ Там же. Л. 23 об. — 24.

⁵⁸ Там же. Л. 24–25.

конами не могли быть составлены прежде, чем были бы опубликованы соответствующие им фрагменты из Свода военных постановлений (в первую очередь это касалось части военно-уголовного устава морского ведомства), Бахтин предлагал конкретный план подготовительных работ для упрощения составления статей в будущем, чтобы не терять время⁵⁹.

7 мая 1834 г. Бахтин представил «Подробный план» князю Меншикову. Докладная записка князя императору по предмету Свода получила одобрение царя⁶⁰, и текст документа был послан в КОФ для ознакомления. На заседании 23 мая 1834 г. члены КОФ единогласно поддержали труд Бахтина⁶¹, после чего работы канцелярии продолжились. И если бы объективные и субъективные факторы в судьбе проекта по составлению Свода морских постановлений сложились более удачно, он увидел бы свет немногим позже военного Свода 1838 г.

Однако первым и главным ударом по работе над его составлением стал внезапный уход из ведомства самого Бахтина. Как чиновник, назначенный состоять при князе Меншикове, он имел внушительный объем работы по разным направлениям деятельности начальника Главного морского штаба и финляндского генерал-губернатора. Даровитого коллежского советника, имевшего ценный опыт аналитической работы, заметили и другие высокопоставленные сановники. 9 декабря 1834 г. Бахтин был переведен на должность управляющего делами Комитета министров. Вероятно, это произошло по предложению Н. Н. Новосильцова⁶². При этом князь Меншиков, по всей видимости, все же уговорил Бахтина не оставлять занятий по Своду морских постановлений, а обязанный ему взлетом своей карьеры Бахтин не смог ему в этом отказать. Работа канцелярии КОФ продолжалась еще несколько лет, но для Бахтина, обремененного другими задачами, она уже не являлась первоочередной. Проблемы со здоровьем заставили чиновника в 1841 г. уехать на лечение в Европу, а в 1842 г. просить князя А. С. Меншикова об освобождении от работы по Своду морских постановлений⁶³.

Канцелярия КОФ, оставшаяся даже без заочного руководства, перешла в руки другого чиновника князя Меншикова — действительного статского советника Константина Ивановича Фишера (1805 — ?). Ему потребовалось не менее года, только чтобы войти в курс сложного дела. В составленной для князя Меншикова отчетной записке он изложил последовательность мер по упорядочиванию делопроизводства уже самой канцелярии КОФ по части кодификационных работ; кроме того, вышедший в 1838 г. Свод военных постановлений требовал внесения корректив в изначальный проспект Бахтина⁶⁴. Немногочисленные чиновники приступили к преобразованию архива редакции, а Фишер — к составлению нового проспекта с учетом военного Свода. Но и для Фишера, занимавшегося на тот момент данной деятельностью сверх других обязанностей, эта работа не стала основной. В 1848 г.

⁵⁹ Там же. Л. 21–23 об.

⁶⁰ «Кажется, хорошо», — написал Николай I в резолюции. См.: О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений. Ч. II. Л. 151.

⁶¹ Там же. Л. 152.

⁶² Доник К. В. Н. И. Бахтин в Морском министерстве. С. 168.

⁶³ Бахтин Н. И. Письмо начальнику Главного морского штаба князю А. С. Меншикову // ОР РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 564. Л. 1.

⁶⁴ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений. Ч. VI // РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 640. Л. 40–40 об.

КОФ, просуществовавший 23 года, был закрыт. Канцелярия по Своду морских законов передана в Морской ученый комитет, а в 1853 г. и вовсе упразднена повелением великого князя Константина Николаевича, который свое руководство морским ведомством начал с учреждения шести временных кодификационных комитетов.

Подводя итог изучению первого проекта систематизации морского законодательства, следует отметить ее сущностные черты и причины неудачи. Проект составления Свода морских постановлений 1834 г. был направлен на повышение качества морского управления (во всех аспектах) и службы во флоте. Составление свода рассматривалось как часть большого процесса систематизации законов — общегосударственных, гражданских и военных. Поскольку все виды законов и постановлений, относящихся ко флоту, являлись разновидностью отраслевого права, схожего с военно-сухопутным, составление из них упорядоченного корпуса-свода по системе было ориентировано на Свод военных постановлений, а концептуально и методологически — на Свод законов Российской империи. Установление военного Свода за образец имело как свои преимущества в виде уже имеющегося опыта, так и недостатки, которые заключались в необходимости ожидать итога работы Военного министерства. В то же время необходимо отметить незаурядную деятельность по руководству составлением свода, осуществлявшуюся Н. И. Бахтиным. Колоссальная работа, которую проделала канцелярия КОФ под его началом, впечатляла преемников, разбиравших ее архив. Два основных текста, которые составляют содержание проекта свода — проспект и «Подробный план» — свидетельствуют о глубоком изучении Бахтиным идей, принципов и опыта деятельности М. М. Сперанского. Причины же неудач проекта Свода 1833 г. заключались в совокупности обстоятельств. Помимо ухода Бахтина из ведомства, следует отметить и институциональную оторванность работ по морскому своду от II отделения СЕИВК. И хотя Сперанский, как было установлено, ознакомился с основными документами (проспектом и планом) проекта Свода, делал комментарии и оказывал по мере возможности содействие, дореволюционные историографы не зря видели гарантию успеха завершения военного свода именно в официальной передаче под контроль Сперанского колоссальной работы Ахшарумова. Можно подразумевать список причин, почему по аналогии с военными не были подчинены II отделению СЕИВК и работы по флоту, однако документальных подтверждений ни одной из них на данном этапе не выявлено. Большую роль сыграло и кажущееся весьма отстраненным отношение к составлению свода князя А. С. Меншикова. И хотя он всегда оказывал административную поддержку Бахтину, все же возможности его огромной власти как главы ведомства для поддержания работы канцелярии до и после ухода Бахтина остались в полной мере не задействованными. Поиск преемника талантливого чиновника, а также расширение штата вполне могли стать залогом появления Свода морских постановлений в 1840-х гг. Несмотря на все вышеперечисленное, проект 1833 г., появившийся в эпоху М. М. Сперанского, основанный на его методических принципах, явился первой попыткой настоящей систематизации морского законодательства и первым шагом на долгом пути к кодификационным работам во флоте в 1870–1880-х гг.

References

- Andreeva T. V. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v nachale tsarstvovaniia Nikolaia I: k probleme preemstvennosti i razlichii v pravitel'svennoi preobrazovatel'noi politike. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2017, no. 2 (14), pp. 30–54. (In Russian)
- Andreeva T. V. Vtoroe otdelenie Sobstvennoi EIV kantseliarii: tekhnologiya zakonotvorchestva. 1826–1832. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2019, no. 2 (22), pp. 43–64. (In Russian)
- Borisova T. Y. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality. *Law and History Review*, 2012, vol. 30, no. 3, pp. 901–925.
- Donik K. V. Kniaz' A. S. Menshikov i morskoe vedomstvo: reformy flotskoi administratsii v nachale tsarstvovaniia Nikolaia I. PhD thesis (History). St. Petersburg, 2023, 504 p. (In Russian)
- Donik K. V. N. I. Bakhtin v Morskom ministerstve: k istorii formirovaniia chinovnogo okruzheniia kniazia A. S. Menshikova vo flote v kontse 1820-kh — nachale 1830-kh gg. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniia*, issue 21, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 162–170. (In Russian)
- Kagan F. *Military reforms under Nicholas I. The origin of modern Russian army*. New York, St. Martin's Press, 1999, 337 p.
- Kuharuk A. V. Reformirovanie armii pravitel'stvom Nikolaia I v 1830-e gg. *Russkii sbornik: Issledovaniia po rossiiskoi istorii*, vol. VII, 2009, pp. 191–205.
- Majkov P. M. *Vtoroe otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii. 1826–1882*. St. Petersburg, Tipografiia I. N. Skorokhodova Publ., 1906, 616 p.
- Nikolai I: lichnost' i epoha. *Novye materialy*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007, 530 p.
- Shilov D. N. *Glavy vysshikh i tsentral'nykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii, 1802–1917: biobibliograficheskii spravochnik*, vol. 1. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2024, 812 p. (In Russian)
- Stoletie Voennogo ministerstva, 1802–1902. Kodifikatsionnyi otdel: istoricheskii ocherk*, vol. 3. Ed by N. G. Kolokolov. St. Petersburg, 1902, 85 p. (In Russian)
- Wortman R. *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniia v imperatorskoi Rossii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, 520 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 июня 2024 г.

Рекомендована к печати 12 октября 2024 г.

Received: June 10, 2024

Accepted: October 12, 2024